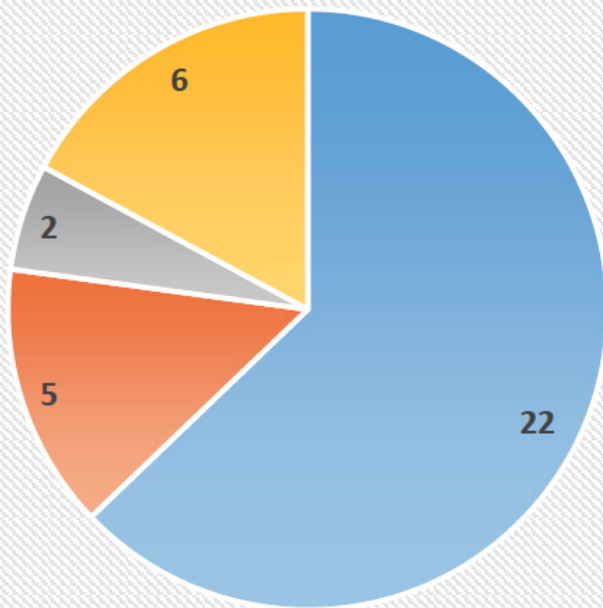

**ОБЗОР ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ДЕЛ, РАССМОТРЕННЫХ
СОВЕТОМ АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
в 2017 году**

За 2017 год Советом Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее - Совет) рассмотрены 101 жалоба/представление, а с учетом объединения некоторых жалоб в одно производство – 98 дисциплинарных дел.

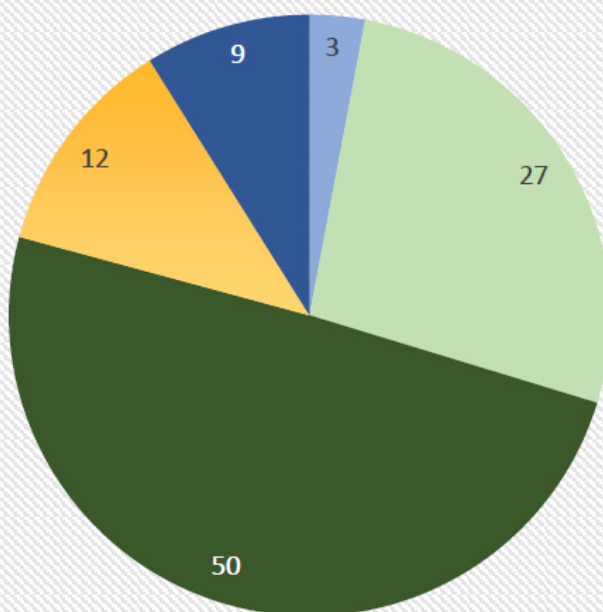

ПРИЧИНЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДИСЦИПЛИНАРНЫМ ДЕЛАМ 2017 г.

- Отсутствие в действиях нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и КПЭА
- Малозначительность проступка
- Примирение
- Истечение срока

ЛИЦО, ПОДАВШЕЕ ЖАЛОБУ/ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

- Адвокат
- Доверитель или его законный представитель
- Представление вице-президента АП СПб
- Представление Минюста
- Обращение суда (судьи)

Лидирующая категория нарушений – 39 из 98 – неуплата обязательных ежемесячных отчислений на нужды адвокатской палаты, установленных решениями Конференций Адвокатской палаты Санкт-Петербурга. Из 39 дел 13 закончились прекращением статуса адвоката, 12 – замечанием, 10 – предупреждением и 4 – прекращением производства вследствие малозначительности проступка или истечения срока давности привлечения к дисциплинарной ответственности. Нередко неуплата обязательных ежемесячных отчислений на нужды адвокатской палаты сопровождается также неизбранием адвокатом формы адвокатского образования для осуществления своей

деятельности, например, после того, как адвокат был исключен из адвокатского образования, в котором он состоял.

Обращает на себя внимание также и то, что адвокаты, имеющие задолженность по обязательным ежемесячным отчислениям на нужды адвокатской палаты, зачастую не реагируют на вызовы Комиссии и Совета, не являются на заседания и не приводят каких-либо объяснений образовавшейся задолженности, в связи с чем Совет вынужден принимать решение без учета сложившейся у адвоката ситуации.

НАРУШЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ОТСУТСТВИЕМ ПИСЬМЕННОГО ОТКАЗА ПОДЗАЩИТНОГО ОТ ОБЖАЛОВАНИЯ ПРИГОВОРА

Довольно распространенной категорией нарушений адвокатами является неисполнение ими обязанности по обжалованию приговора, вынесенного в отношении их подзащитных. Свое бездействие защитники объясняют по-разному, но ни одно из таких объяснений не было признано Комиссией или Советом законным.

Так, Совет рассмотрел две жалобы в отношении адвоката Х., поданные двумя разными доверителями. Первая указывала на ряд допущенных адвокатом нарушений, среди которых - отсутствие апелляционного обжалования состоявшегося приговора и неоказание помощи в составлении жалобы. Адвокат Х. свое бездействие объяснил тем, что на момент вынесения приговора осужденный был с ним согласен, обжаловать не намеревался и помощи в обжаловании не просил.

Комиссия не нашла каких-либо подтверждений иных нарушений, изложенных в жалобе, но согласиться с позицией адвоката Х. и признать ее бездействие в вопросе обжалования приговора правомерным не представлялось возможным, поскольку после вынесения судом обвинительного приговора адвокат Х., не получив письменного согласия доверителя на отказ от обжалования приговора, не составил апелляционную жалобу и не подал ее в апелляционную инстанцию, тем самым нарушила п.4 ст.13 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее - Кодекс), согласно которому адвокат-защитник обязан обжаловать приговор: 1) по просьбе подзащитного; 2) если суд не разделит позицию адвоката и (или) подзащитного и назначил более тяжкое наказание или наказание за более тяжкое преступление, чем просил адвокат и (или) подзащитный; 3) при наличии оснований к отмене или изменению приговора по благоприятным для подзащитного мотивам.

Отказ подзащитного от обжалования приговора фиксируется его письменным заявлением адвокату.

Необходимость получения такого заявления от доверителя подтверждалась последовавшей апелляционной жалобой самого доверителя и отводом, заявленным им адвокату Х. по мотивам, связанным с неподачей апелляционной жалобы.

К аналогичным выводам пришла Комиссия и по жалобе второго доверителя. Адвокат Х. в этом случае объяснил свое бездействие тем, что после вынесения приговора к нему обратился отец его доверителя и попросил составить апелляционную жалобу для ее самостоятельного направления осужденным. Просьбу адвокат выполнил, составил апелляционную жалобу и передал отцу своего доверителя. Однако, указанные действия адвоката не соответствуют положениям Кодекса и не могли быть признаны заслуживающим внимания обстоятельством.

Совет согласился с выводами Комиссии и принял решение объявить адвокату Х. замечание и исключить его из базового списка адвокатов, осуществляющих защиту в порядке ст.51 УПК РФ, на 6 месяцев.

Другой адвокат – адвокат С. – осуществлял защиту своего доверителя на стадии предварительного расследования и в суде в порядке ст.50-51 УПК РФ. В марте 2017 года подсудимый был осужден к пяти годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. При этом суд не разделит позицию адвоката и подсудимого относительно тяжести совершенного преступления.

Доверитель направил в Адвокатскую палату Санкт-Петербурга жалобу в отношении адвоката, ссылаясь на непрофессионализм своего защитника, а также на игнорирование последним его просьб и отказ от апелляционного обжалования приговора.

Из объяснений адвоката С. следовало, что его подзащитный приговором был удовлетворен, обжаловать его категорически отказался, пояснив, что обжалование может ухудшить его положение в

связи с непогашенной судимостью по иному приговору. Кроме того, просьб доверителя адвокат не игнорировал, напротив, посетил его в СИЗО по первому требованию. Вместе с тем заявление доверителя, освобождающее адвоката от обязанности апелляционного обжалования приговора, адвокат не представил.

Комиссия и Совет пришли к заключению о наличии в бездействии адвоката нарушения тех же положений Кодекса.

Совет объявил адвокату С. замечание.

Те же нарушения были установлены и в отношении других адвокатов, осуществлявших защиту по соглашению. Свое бездействие адвокаты объясняли рамками заключенных соглашений, предмет которых не охватывал обязательное апелляционное обжалование приговора, а подразумевал защиту только на стадии рассмотрения уголовного дела первой инстанцией, т.е. до постановления приговора, в связи с чем адвокаты полагали, что какими-либо обязательствами иного рода с бывшими подзащитными они не связаны. Такие умозаключения адвокатов несостоятельны, поскольку обязанность адвоката обжаловать приговор заложена непосредственно в нормах Кодекса профессиональной этики адвоката, как и письменная форма заявления доверителя об отказе от обжалования.

Кроме того, в действиях одного из адвокатов были установлены и иные нарушения: за 10 месяцев слушания дела он только один раз на 10 минут посетил подзащитного в СИЗО, допускал опоздания в судебные заседания и пропуски заседаний, не согласовывал свои действия (бездействие) с доверителем, оставляя его в неведении относительно своих намерений и тактики защиты; не принял мер для обеспечения своих свиданий с доверителем с участием переводчика вне здания суда, чем нарушил требования ст.7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» (далее – Закон об адвокатуре) и ст.8 Кодекса, в соответствии с которыми адвокат обязан разумно, добросовестно и квалифицированно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами.

Совет объявил адвокатам замечания.

ГОНОРАРЫ ЗА ВИДИМОСТЬ ЗАЩИТЫ

Случаи, когда адвокат берет на себя обязательства по защите доверителя, но либо его вообще не исполняет, либо выполняет не в полном объеме или несвоевременно, часто имеют для доверителей серьезные негативные последствия, поэтому за доказанные неправомерные, недобросовестные действия адвоката следует и для него суровое наказание.

Так, адвокат Б. в декабре 2015 г. заключил с братом осужденного Е. устное соглашение в защиту осужденного, отбывающего наказание по приговору Ломоносовского районного суда Ленинградской области, на оказание юридической помощи по условно-досрочному освобождению.

Этими своими действиями адвокат Б. уже нарушил положения Закона об адвокатуре о простой письменной форме соглашения.

Доверитель перевел на личный банковский счет адвоката Б. немалую сумму – 3000000 рублей – за оказание юридической помощи брату, на 2000000 рублей адвокат Б. выдал собственноручную расписку, указав в ней, что деньги получены им «за оказание юридической помощи осужденному Е... в УДО». Получение адвокатом Б. вознаграждения на личный банковский счет подтверждается и копиями приходных кассовых ордеров на сумму 2000000 рублей и 1000000 рублей.

По запросу Комиссии адвокатское бюро, где числится адвокат Б., сообщило, что соглашение на оказание юридической помощи Е. адвокатом Б. не заключалось, денежные средства в кассу или на счет адвокатского бюро не вносились, что является прямым нарушением Закона об адвокатуре.

Адвокат Б. объяснил ситуацию тем, что при посещении исправительной колонии он дал случайную консультацию ранее незнакомому осужденному Е., который попросил его через счет адвоката передать 2000000 рублей в качестве возврата заемных средств. Затем последовали просьбы о совершении действий, нарушающих режим ИК и угрозы, после чего контакты с Е. прекратились, а с его братом адвокат даже не встретился. Однако, данное объяснение опровергалось материалами дела.

Комиссия установила, что, приняв поручение на защиту Е., адвокат Б. проявил недобросовестность, нечестность по отношению к доверителю, поскольку никаких шагов по представлению его интересов в условно-досрочном освобождении не предпринял, нарушив требования п.1 ст.8 Кодекса. Данные нарушения совершены адвокатом умышленно, являются длящимися, поскольку принятые обязательства

адвокатом не выполнены до момента дисциплинарного разбирательства, о расторжении соглашения адвокатом не заявлено, вознаграждение в кассу адвокатского образования не перечислено и доверителю не возвращено.

Итогом дисциплинарного разбирательства стало единогласное решение членов Совета о прекращении статуса Б. с возможностью допуска к сдаче квалификационного экзамена не ранее, чем через 3 года.

Строгое наказание получил и адвокат К., не выполнивший в должной мере своих обязанностей представителя в арбитражном суде:

Между ООО и адвокатом К. был заключен договор поручения, по условиям которого адвокат обязался представлять интересы ООО в Арбитражном суде г.Москвы по вопросу возобновления договора лизинга. Стоимость оказания услуг составила 175 000 рублей и была передана адвокату К. по акту приёма-передачи в день подписания договора. Однако, адвокат К. вознаграждение в кассу коллегии не сдал и соглашение с ООО в адвокатском образовании не зарегистрировал.

При выполнении условий соглашения адвокатом К. была допущена недобросовестность, выразившаяся в несвоевременной (лишь спустя 7 месяцев со дня заключения договора) подготовке и подаче искового заявления в суд. Адвокат на звонки доверителя и электронные письма не отвечал, не перезванивал, уклонялся от встреч. Несмотря на многочисленные запросы о предоставлении отчёта о работе, отчёт так и не был представлен доверителю.

Такое поведение адвоката было расценено как игнорирование основополагающих принципов, возложенных на адвоката Законом об адвокатуре и Кодексом: добросовестность, своевременность, честность и разумность при исполнении своих обязанностей перед доверителем, регистрация соглашения в документации коллегии адвокатов, внесение вознаграждения в кассу/на расчетный счет адвокатского образования и предоставление доверителю отчета о проделанной работе.

Совет прекратил статус адвоката К.

Адвокат Д. в ноябре 2016 года заключил соглашение с Б. на оказание последнему юридической помощи путем представления его интересов в Выборгском городском суде Ленинградской области по иску к Ф. по оспариванию результатов межевания ее земельного участка.

Доверитель уплатил адвокату 30000 рублей и оформил на него доверенность.

Исковое заявление было подано адвокатом в суд в январе 2017 года, а февральским определением судьи оставлено без движения, поскольку подано в суд «без соблюдения требований, установленных ст.ст.131, 132 ГПК РФ, а именно, не приложены документы, позволяющие идентифицировать спорный земельный участок (местоположение участка, геодезические координаты его границ, сведения о его формировании, сведения о постановке земельного участка на кадастровый учет), документы, подтверждающие нахождение забора на земельном участке истца». Для устранения недостатков истцу был предоставлен срок до конца февраля 2017 г.

Определением суда от 01.03.2017 исковое заявление возвращено заявителю со всеми приложенными к нему документами в связи с неустранимостью недостатков в установленный судом срок. В апреле 2017 года соглашение расторгнуто по инициативе доверителя как неисполненное адвокатом.

Комиссия пришла к выводу, что на подготовку искового заявления, наполовину состоящего из цитат из нормативных документов, и подачу его в суд адвокату Д. потребовалось более двух месяцев, что является явно избыточным, несвоевременным, и вызвало у доверителя убеждение в бездеятельности адвоката. Ссылка адвоката на то, что задержка с подачей искового заявления вызвана отказом канцелярии суда в его принятии, своего подтверждения не нашла.

Адвокатом Д. не было представлено каких-либо доказательств подготовительной работы (ведение переговоров, истребование документов и т.п.), проведенной им с момента заключения соглашения до подачи искового заявления в суд.

По мнению Комиссии, одним из признаков квалифицированной работы адвоката по сложным делам, к которым относятся земельные споры, является составление понятного для доверителя по содержанию соглашения, предусматривающего не только указание на его предмет, но и на конкретные действия адвоката во временных рамках, необходимые для выполнения поручения. В соглашении об оказании

юридической помощи такая детализация отсутствовала. Это привело к тому, что доверитель не без оснований воспринял поведение адвоката как уклонение от выполнения условий соглашения.

Адвокат Д. был обязан (наряду с доверителем) отслеживать движение поданного им в суд искового заявления, принимать меры по устранению препятствий к его рассмотрению. Однако, проявив недобросовестность, он этого не сделал и узнал об оставлении искового заявления «без движения» из СМС-сообщения суда, но и после получения этой информации адвокат Д. не предпринял шагов по исправлению недостатков заявления, не оповестил об этом доверителя. Ссылку адвоката на болезнь, препятствовавшую ему исправить недостатки искового заявления, Комиссия посчитала неубедительной, поскольку листок нетрудоспособности показывал, что после излечения адвокат мог приступить к работе до окончания срока для исправления недостатков искового заявления, но заявление о продлении этого срока адвокат подал в суд, лишь когда срок уже истек.

Совет объявил адвокату Д. замечание.

НАРУШЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ВСТУПЛЕНИЕМ АДВОКАТА В ДЕЛО ПО НАЗНАЧЕНИЮ ДЕЛО ТРЕХ АДВОКАТОВ

Дисциплинарная практика показала, что адвокаты не всегда правильно принимают решение о вступлении в дело по назначению, а именно в каких случаях необходимо принять поручение на защиту, а в каких принятие на себя защиты будет являться действиями против воли лица и навязыванием ему своей помощи. Такие решения нередко адвокатам приходится принимать в напряженной обстановке при дефиците времени и фактически оказываемом давлении со стороны следователя или суда.

Наглядный пример тому – два дисциплинарных дела в отношении трех адвокатов.

В производстве старшего следователя по особо важным делам находилось уголовное дело в отношении Ф., защиту которого осуществлял на основании соглашения и ордера адвокат О. Санкт-Петербургским городским судом Ф. избрана мера пресечения в виде домашнего ареста.

Для участия в следственных действиях в назначенный день в 9:30 Адвокат О. явился в здание ГСУ и сообщил следователю о срочной госпитализации своего подзащитного в инфекционное отделение Клинической инфекционной больницы им. С.П. Боткина. Следователь в письменном уведомлении предложил адвокату О. провести следственные действия с Ф. непосредственно в больнице в 11:30 того же дня, ссылаясь на имеющееся у него заключение врача: «проводить следственные действия можно». Адвокат О. письменно на бланке уведомления отказался от явки в инфекционную больницу, мотивируя это боязнью за свое здоровье в связи с потенциальной возможностью заражения и нежеланием причинить вред здоровью Ф., который всего несколько часов назад был срочно госпитализирован. Адвокат заявил ходатайство о переносе следственных действий на период после выписки подзащитного из больницы. В удовлетворении ходатайства было отказано в тот же день в 12:00.

Затем следователь в тот же день пригласил для производства следственных действий с Ф. адвоката Т. по назначению в порядке ст.51 УПК РФ, которая в беседе с Ф. узнала о наличии у него адвоката по соглашению и, получив от Ф. письменный отказ от ее услуг, отказалась от участия в следственных действиях.

Комиссия пришла к выводу, что действия адвоката Т. соответствуют позиции Федеральной палаты адвокатов РФ (решение № 1 от 27.09.2013): «Адвокат в соответствии с правилами профессиональной этики не вправе принимать поручение на защиту против воли подсудимого и навязывать ему свою помощь в качестве защитника по назначению, если в процессе участвует защитник, осуществляющий свои полномочия по соглашению». Совет согласился с Комиссией, и дисциплинарное производство в отношении адвоката Т. было прекращено.

Но дело на этом не закончилось.

После отказа от участия в следственных действиях адвокатов О. и Т. на следующий день следователь вынес постановление о назначении Ф. в порядке ст.51 УПК РФ другого защитника, которым стала адвокат Б. В этот же день она приехала в инфекционное отделение Клинической инфекционной больницы им. С.П. Боткина для участия в следственных действиях с Ф. и, несмотря на отказ подзащитного от ее помощи, в связи с наличием у него адвоката по соглашению, приняла участие в объявлении подследственному об окончании следствия.

Комиссия посчитала, что действия адвоката Б. не соответствуют обозначенной позиции ФПА. При этом ссылка адвоката Б. на отказ от участия в следственных действиях адвоката по соглашению О. как на обстоятельство, дающее ей право на принятие поручения по назначению следователя,

несостоятельна. Адвокат О. в назначенное время явился в кабинет следователя. Проведение следственных действий в это время и в этом помещении оказалось невозможным из-за госпитализации подследственного Ф. в инфекционную больницу. В связи с этим последовал отказ адвоката О. от участия в следственном действии. Независимо от мотивов отказа адвоката по соглашению, именно с этого момента, когда Ф. стало известно об этом, у него в соответствии с ч.3 ст.50 УПК РФ возникло право в течение пяти суток пригласить другого адвоката.

Игнорирование адвокатом Б. этого требования процессуального закона вопреки позиции подследственного является нарушением подп.2 п.1 ст.9 Кодекса, в соответствии с которым адвокат не вправе занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле.

Комиссия также указала, что не может быть принята во внимание и ссылка адвоката Б. на постановление Дзержинского районного суда г. Санкт-Петербурга, в котором ее действия квалифицированы как правомерные, а действия адвоката О. как недобросовестное использование своих полномочий в ущерб интересам правосудия и своего подзащитного, поскольку указанное постановление отменено апелляционной инстанцией как вынесенное с нарушением ч.1 ст.125 УПК РФ.

Совет объявил адвокату Б. предупреждение с исключением из базового списка адвокатов, осуществляющих защиту в порядке ст.51 УПК РФ, на 6 месяцев.

Но и это не конец истории.

Адвокат О. тоже не остался без жалобы. В отношении него в Палату поступило представление начальника ГУ Министерства юстиции РФ по Санкт-Петербургу.

В ходе разбирательства было установлено, что за несколько дней до указанных выше событий Ф. в рамках производства предварительного следствия вручено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого объемом 353 страницы и, по словам адвоката О., без ознакомления с этим документом предлагалось дать показания по существу. Следователем отказано адвокату и Ф. в предоставлении времени для ознакомления документом, а следующее следственное действие – через три дня. В назначенный день адвокат О. явился к 09:30 в здание ГСУ и сообщил следователю М. о срочной госпитализации Ф. в инфекционную больницу, следователь письменно предложил адвокату провести следственные действия в больнице в 11:30 того же дня, а адвокат письменно отказался от явки. Подробности уже изложены ранее.

Затем следователь письменно уведомил адвоката О. о необходимости его явки для проведения следственных действий с Ф. в этот же день, но уже в 16:00 и в здание ГСУ ГУ МВД РФ. Адвокат вновь отказался принять участие в этих следственных действиях по приведенным им ранее причинам.

После этого следователь М. вновь письменно уведомил адвоката О., продолжавшего находиться в здании ГСУ ГУ МВД, сначала о необходимости его явки на следующий день в 12:00 в больницу им. С.П. Боткина, затем другим уведомлением о явке адвоката в больницу через день в 12:00, а затем новым уведомлением о необходимости явки адвоката для производства следственных действий с Ф. в те же дни, но уже в ГСУ ГУ МВД РФ.

Получив указанные уведомления, адвокат О. отказался от явки по изложенным ранее мотивам и указал также на то, что два из намеченных дней являются общевыходными днями, а необходимость проведения неотложных следственных действий отсутствует.

Не согласившись с доводами адвоката, следователь своим постановлением в удовлетворении ходатайства о переносе следственных действий адвокату отказал. Это постановление было вручено адвокату О. в тот же день в 12:00. А затем последовали шаги по привлечению к участию в следственных действиях с Ф. адвоката по назначению и направление следователем информационного письма в ГУ МЮ РФ по СПб с обвинениями в адрес адвоката О. в отказе от защиты.

Комиссия и Совет встали на сторону адвоката.

В частности, отказ адвоката О. от проведения следственных действий в условиях инфекционного отделения Клинической инфекционной больницы им. С.П. Боткина, был признан заслуживающим внимания, поскольку:

– в соответствии с п. 11.1 действующего приказа Минздрава СССР от 04.08.1983 № 916 (в редакции 21.03.2014) «Об утверждении инструкции по санитарно-противоэпидемическому режиму и охране труда персонала инфекционных больниц (отделений)» посещения больных родственниками или знакомыми в инфекционных стационарах запрещены;

– по данным Санкт-Петербургского сайта «Доктор Питер» (23.04.2013) только в 2012 в городе зарегистрировано 178 внутрибольничных случаев заражения острыми кишечными инфекциями, в том числе, среди посетителей больниц;

– на момент вручения следователем уведомлений о проведении следственных действий с Ф. адвокату не было представлено медицинских справок о возможности проведения с Ф. следственных действий;

– справка из приемного отделения Боткинской больницы указывала на то, что Ф. находится «в состоянии средней тяжести», что подтверждает опасение адвоката за здоровье подзащитного;

– достоверность вывода медицинской справки о том, что «проводить следственные действия можно», вызывает сомнения, поскольку должность лица, подписавшего справку, выполнена, как и вся справка, рукописно и разобрать ее невозможно.

Таким образом, адвокат О. имел все основания для отказа от участия в следственных действиях в условиях инфекционного отделения больницы в связи с опасением как за здоровье доверителя, так и за свое здоровье.

Комиссия также отметила, что следователем одновременно (в течение полутора часов) и отнюдь не заблаговременно вручено адвокату пять уведомлений о проведении следственных действий на различные даты и время в различных помещениях. А из представленной Комиссии копии уведомления следует, что следователем М. на этот же день для проведения следственных действий вызвано кроме адвоката О. еще девять адвокатов.

Были также не приняты в качестве доказательства надлежащего извещения адвоката ссылки на направленные ему СМС-сообщения. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 3 извещение адвоката о следственных действиях и судебных заседаниях с помощью СМС-сообщений возможно лишь с согласия адвоката, которого в данном случае он не давал. Верховный Суд РФ в Постановлении № 3 разъяснил, что факт согласия на получение извещения в виде СМС-сообщения подтверждается распиской, в которой наряду с данными об участнике судопроизводства указывается номер мобильного телефона, на который направляется это сообщение.

Указанные обстоятельства, по мнению Комиссии, свидетельствуют либо о неумении следователя организовать прозрачную процедуру расследования, либо о его желании поставить адвоката в заведомо тупиковую ситуацию с тем, чтобы переложить на него вину за «волокиту» и даже обвинить в отказе от защиты.

Спустя четыре дня адвокат О. возобновил защиту Ф. после выписки последнего из больницы. У самого Ф. претензий к работе адвоката не было, более того, он полагал, что адвокат О. неугоден следствию, поскольку защищает права доверителя, обжалует незаконные действия следователя.

Дисциплинарное производство в отношении адвоката О. было прекращено Советом за отсутствием в его действиях нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса.

В ряде случаев адвокаты правомерно принимали на себя защиту либо обоснованно отказывались от ведения дела по назначению и успешно доказывали свою правоту при рассмотрении дисциплинарных дел.

Например, в АП СПб поступила жалоба в отношении адвоката П., доводы которой сводились к тому, что адвокат П. был приглашен судом по собственной инициативе на случай болезни адвоката по соглашению. Адвокат П., ознакомившись с материалами дела, посетил подсудимого Д. в СИЗО, где последний заявил о наличии у него защитника по соглашению и своем несогласии с участием в деле какого-либо другого адвоката. Несмотря на безусловно выраженное волеизъявление подзащитного, адвокат П. от защиты не отказался, а наоборот, продолжал ознакомление с делом, неоднократно общался с другими защитниками подсудимого и его родственниками.

В ходе производства по дисциплинарному делу были установлены обстоятельства принятия адвокатом П. защиты. Адвокат П. получил от АИС «Адвокатура» заявку на участие в порядке ст.ст. 50, 51 УПК РФ в суде апелляционной инстанции по уголовному делу в отношении Д., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 105 УК РФ. Адвокату был выдан ордер с указанием номера заявки.

При ознакомлении с материалами уголовного дела адвокат П. установил, что в них отсутствует ордер какого-либо другого адвоката на защиту Д. в апелляционной инстанции. При посещении подзащитного в следственном изоляторе П. сообщил ему об этом и договорился с ним, что если Д. откажется от его помощи в судебном заседании, то адвокат поддержит его ходатайство.

В судебном заседании апелляционной инстанции Санкт-Петербургского городского суда Д. отказался от помощи адвоката по назначению П., так как у него имеется адвокат по соглашению. П. поддержал данное ходатайство, которое было удовлетворено судом.

Таким образом, Комиссия посчитала, что действия адвоката П. строго соответствуют как требованиям Закона, так и корпоративным нормативным документам. Не имея формальных доказательств наличия у подзащитного адвоката по соглашению, адвокат П., действуя на основании заявки АИС «Адвокатура», правомерно ознакомился с материалами уголовного дела, встретился и проконсультировал подзащитного Д., явился в судебное заседание и поддержал ходатайство подзащитного об отказе от услуг адвоката по назначению, а первоначальная реакция Д., выразившаяся в отказе от помощи со стороны адвоката П., была вызвана его неосведомленностью относительно оснований вступления адвоката в дело в качестве его защитника. Адвокату П. удалось убедить доверителя совершить свой отказ от адвоката по назначению в формальных условиях судебного заседания, что исключило в дальнейшем потенциально возможный конфликт как с судом, так и с адвокатом по соглашению.

Дело в отношении адвоката П. Советом было прекращено.

ОТКАЗ ОТ ЗАЩИТЫ ОБОСНОВАН

Другой адвокат – С. – напротив, обоснованно отказалась от защиты. Поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении нее послужило обращение судьи Санкт-Петербургского городского суда с выводом о том, что адвокат С. халатно относится к исполнению своего профессионального долга и нарушает требования ч.7 ст.49, ч.2 ст.52, ч.1 ст.258 УПК РФ, и просьбой оказать на адвоката дисциплинарное воздействие.

Компетентные органы Адвокатской палаты с выводами суда не согласились. Было установлено, что в производстве Санкт-Петербургского городского суда находится уголовное дело в отношении Б. и других (всего 19 подсудимых), обвиняемых в совершении ряда преступлений. Дело рассматривается с участием присяжных заседателей. Защиту подсудимого Б. осуществляет адвокат Г., который накануне судебного заседания известил суд о наличии у него больничного листа. Поскольку должен был рассматриваться вопрос о продлении срока содержания подсудимых под стражей, для защиты подсудимого Б. в порядке ст.51 УПК РФ была вызвана адвокат С., но в назначенный день в судебное заседание явился адвокат Г., пояснивший суду, что в настоящем деле у него нет больничного листа. Адвокат С. после общения с подсудимым Б. отказалась участвовать в процессе и покинула зал суда, сославшись на то, что она не ознакомлена с материалами многотомного дела, а также ввиду того, что явился адвокат Г., с которым у подсудимого заключено соглашение на защиту.

Подсудимый Б. заявил, что категорически отказывается от адвоката С., поскольку в судебное заседание явился адвокат Г., с которым у него заключено соглашение на защиту.

Оценивая данную ситуацию, Комиссия пришла к выводу, что заявления адвоката Г. и подсудимого Б. о наличии между ними соглашения на защиту в данном уголовном деле, не поставленные судом под сомнение в судебном заседании, были достаточным основанием для адвоката С., чтобы воспринимать это обстоятельство как неоспоримое. В соответствии с позицией, занятой Советом ФПА РФ в его решении № 1 от 27.09.2013: «Адвокат в соответствии с правилами профессиональной этики не вправе принимать поручение на защиту против воли подсудимого и навязывать ему свою помощь в качестве защитника по назначению, если в процессе участвует защитник, осуществляющий свои полномочия по соглашению». Поэтому Комиссия считает, что адвокат С. действовала в соответствии с требованиями п.6 ст.15 Кодекса: Адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции.

Кроме того, Комиссия сослалась на Определение Конституционного Суда РФ № 488-0-0 от 21.10.2008, в котором указывается, что «...ч.2 ст.52 УПК РФ, находящаяся в нормативном единстве с ч.1 той же статьи и статьей 51 данного Кодекса и предусматривающая, что отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя, прокурора и суда, предполагает, что при разрешении соответствующего ходатайства в каждом конкретном случае следует установить, является ли волеизъявление лица свободным и добровольным и нет ли причин для признания такого отказа вынужденным и причиняющим вред его законным интересам. Таким образом, данная норма направлена не на ограничение, а на защиту прав обвиняемого, а потому не предполагает возможность навязывать обвиняемому конкретного защитника, от которого тот отказывается».

Совет согласился с выводами Комиссии, и производство в отношении адвоката С. было прекращено.

ДОПРОС АДВОКАТА В КАЧЕСТВЕ СВИДЕТЕЛЯ

Дисциплинарное дело в отношении адвоката С. было возбуждено на основании двух жалоб в его адрес: от доверителя и адвоката доверителя. Обстоятельства дела были таковы: адвокат С. в 2011 году оказывал своему доверителю О. юридическую помощь в порядке ст.50, 51 УПК РФ на стадии предварительного расследования при допросе в качестве подозреваемого по уголовному делу о покушении на убийство. Далее, в 2017 году, при рассмотрении этого уголовного дела в Колпинском районном суде СПб на основании ходатайства стороны обвинения в суд был вызван и допрошен в качестве свидетеля адвокат С. Вопреки возражениям подсудимого О. и его адвоката Б. против этого допроса, адвокат С. дал показания по обстоятельствам своего участия в допросе подозреваемого. В результате показания адвоката С. легли в основу обвинительного приговора в отношении О.

В ходе дисциплинарного производства адвокат С. своей вины не увидел, посчитал, что действовал в соответствии с законом.

Комиссия и Совет пришли к противоположному заключению. В соответствии с п.2 ст.8 Закона об и адвокатуре адвокат не может быть вызван и допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием», а также согласно п.6 ст.6 Кодекса адвокат не вправе давать свидетельские показания об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с исполнением профессиональных обязанностей».

Комиссия также сослалась на позицию Конституционного Суда РФ в его определении от 06.03.2003 № 108 о том, что адвокат может быть допрошен судом по процессуальным вопросам по просьбе его доверителя при обязательном принятии решения о явке на допрос самого адвоката. Конституционный Суд РФ указал, что «освобождая адвоката от обязанности свидетельствовать о ставших ему известными обстоятельствах в случаях, когда это вызвано нежеланием разглашать конфиденциальные сведения п.2 ч.3 ст.56 УПК РФ вместе с тем не исключает его право дать соответствующие показания в случаях, когда сам адвокат и его подзащитный заинтересованы в оглашении тех или иных сведений».

Такой допрос адвоката судом возможен только в целях обеспечения интересов доверителя (в том числе, бывшего).

Показания адвоката С., по мнению Комиссии, дезавуирующие позицию доверителя, недопустимы, поскольку противоречат требованиям подп.2 п.1 ст.9 Кодекса: «адвокат не вправе занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя...».

Адвокат С. лишился своего статуса и по решению Совета может быть вновь допущен к сдаче квалификационного экзамена только через 3 года.

ЗАЩИТА ВОПРЕКИ ВОЛЕ ДОВЕРИТЕЛЯ

Дела о принудительной госпитализации в психиатрический стационар

Порой обстоятельства складываются так, что адвокат оказывается единственным, кто может и обязан встать на защиту доверителя и отстаивать его позицию.

Решением Октябрьского районного суда Санкт-Петербурга К. был госпитализирован в недобровольном порядке в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, на основании удовлетворенного судом административного искового заявления СПбГУЗ «Психиатрическая больница Святого Николая Чудотворца».

За несколько дней до этого К. собственноручно подписал отказ от госпитализации и лечения в психиатрическом стационаре, что удостоверено подписью врача-психиатра, при этом в судебном заседании К. участия не принимал, поскольку в соответствии с заключением комиссии врачей-психиатров, по психическому состоянию он не мог адекватно воспринимать происходящее и лично участвовать в рассмотрении заявления.

К. был назначен представитель, им стала адвокат Н.

Адвокат Н. не посетила своего доверителя в психиатрической больнице и не выяснила лично ни его состояния здоровья, ни его волеизъявление, чем нарушила требования п.1 ст.8 Кодекса, в соответствии с которым «при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности,

активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом».

В судебном заседании адвокат Н., вопреки воле своего доверителя, изложенной в отказе от лечения, согласилась с требованиями психиатрической больницы о его недобровольной госпитализации, мотивируя свою позицию «интересами административного ответчика».

То есть, адвокат Н. нарушила запрет занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самооговора.

Комиссия отдельно отметила, что речь идет об уважении адвокатом именно воли, а не интересов доверителя, даже если речь идет о волеизъявлении гражданина, имеющего психические нарушения.

Такая позиция отражена в Информационном письме Совета АП СПб от 24.11.2009, где указано, что Закон не предоставляет адвокату право занимать по делу самостоятельную позицию, и если гражданин возражает против госпитализации, то это является той позицией по делу, которую обязан уважать адвокат, независимо от того, понимает ли сам гражданин значение отказа от психиатрической помощи и отвечает ли такой отказ интересам доверителя. Более того, ситуация, когда адвокат, действуя «в интересах доверителя», решает, что ему лучше быть в больнице, ставит самого пациента в еще более уязвимое положение, поскольку специалисты-психиатры уже решили, что недобровольная госпитализация отвечает интересам пациента. Вместо помощи в оспаривании этого решения адвокат становится на противоположную сторону, лишая своего доверителя возможности эффективно отстаивать свою позицию.

Совет объявил адвокату Н. замечание.

Адвокат З. поспешно решил принять на себя защиту лица, содержащегося под стражей, и проигнорировал его отказ от своих услуг, тем самым вынудил обвиняемого подать жалобу в АП СПб.

В своей жалобе Р. указал, что адвокат З. был приглашен следователем в следственный кабинет СИЗО-6, где находился сам Р., сразу после ухода адвоката К., осуществлявшей его защиту по соглашению, которая уведомила следователя о необходимости беседы с подзащитным и дополнительного ознакомления с документами по делу и попросила следователя уведомить ее о планируемых следственных действиях.

После ухода адвоката по соглашению следователь представил обвиняемому Р. адвоката З. и принял решение о производстве следственных действий с его участием. Несмотря на то, что Р. заявил о наличии у него двух адвокатов по соглашению, один из которых только что был в СИЗО, адвокат З. не обратил на это внимания.

Адвокат З. объяснил свои действия так: следователь сообщил ему, что адвокат К. не представила удостоверение и ордер, поэтому не была допущена в дело. Обвиняемый отказывался от адвоката З., однако в письменном виде данный отказ не представил, в связи с чем адвокат З. принял участие в следственном действии.

Комиссия признала действия адвоката З. неправомерными. Согласно разъяснениям ФПА, адвокат в соответствии с правилами профессиональной этики не вправе принимать поручение на защиту против воли подсудимого и навязывать ему свою помощь в суде в качестве защитника по назначению, если в процессе участвует защитник, осуществляющий свои полномочия по соглашению с доверителем. С учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ привлечение к участию адвоката по назначению возможно лишь в тех случаях, когда установлен факт недобросовестного использования защитником по соглашению своих процессуальных прав. Лишь в этом случае следователь вправе оставить без удовлетворения заявление обвиняемого об отказе от услуг защитника по назначению. Поэтому адвокат, назначенный в порядке ст.51 УПК РФ, обязан проверить правомерность своего участия в деле наряду с адвокатом по соглашению.

Комиссия рассудила, что адвокат З. достоверно знал о наличии у Р. защитника по соглашению, поскольку одновременно с ним в следственный изолятор пришла адвокат К., которая длительное время беседовала с обвиняемым в соседнем следственном кабинете. Из разговора следователя с адвокатом К. адвокат З. понял, что предстоит выполнение с Р. требований ст.ст.215, 217 УПК РФ, однако не предпринял мер к тому, чтобы обсудить с К. правомерность своего участия в следственных действиях, некритично доверился объяснениям следователя об отсутствии у адвоката К. удостоверения и ордера на защиту Р., хотя без указанных документов адвокат не мог быть допущен на территорию следственного изолятора.

Адвокат З. довольствовался немотивированным постановлением следователя о назначении защитника, не пытаясь выяснить причин отсутствия второго адвоката по соглашению. Таким образом, адвокат З. приступил к защите без достаточных оснований и против воли обвиняемого.

Комиссия посчитала ссылку адвоката З. на то, что в соответствии со ст. 52 УПК РФ доверитель должен оформить отказ от адвоката по назначению в письменном виде, а Р. отказа от него в письменном виде не заявил, неубедительной. Подследственный не только заявил устный отказ от адвоката З., но и, видя намерение адвоката участвовать в следственных действиях, вскочил, начал стучать в дверь следственного кабинета, требуя, чтобы его увели в камеру. При этих обстоятельствах адвокат должен был потребовать от следователя сделать отметку об отказе от адвоката в протоколе следственного действия, что согласно ч.1 ст.52 УПК РФ приравнивается к письменной форме отказа. Во всяком случае, столь демонстративное поведение Р. должно было удержать адвоката З. от дальнейшего участия в следственных действиях без фактического участия в них доверителя.

Мнение адвоката З. о том, что в соответствии с подп.1 п.1 ст.20 Кодекса оснований для возбуждения дисциплинарного производства нет, тоже признано ошибочным. Хотя в указанной норме Кодекса не упоминаются ни З., ни Р., последний после принятия адвокатом поручения на его защиту стал его доверителем, и следовательно – получил право обращаться в адвокатское сообщество с жалобами на адвоката.

Совет согласился с выводами Комиссии, и адвокату З. было объявлено предупреждение.

СОВЕТ НЕ СОГЛАСИЛСЯ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ КОМИССИИ

Случаев, когда Совет АП СПб принял решение, что Комиссия установила фактические обстоятельства правильно, но сделала ошибку в правовой оценке деяния адвоката и толковании закона, было в 2017 году девять.

Один адвокат попал в непростую ситуацию в Санкт-Петербургском городском суде, когда дела, по которым он был защитником, назначили на одно время, но в разных залах.

В Адвокатскую палату СПб поступило обращение судьи Санкт-Петербургского городского суда о привлечении адвоката П. к дисциплинарной ответственности, согласно которому адвокат прибыл в судебное заседание по рассмотрению его апелляционной жалобы по делу об административном правонарушении значительно позже, чем было назначено. Свое опоздание адвокат пояснил невозможностью явки ввиду оказания юридической помощи доверителям по другим делам.

Согласно списку административных дел, назначенных к рассмотрению судом на один день, адвокатом П. принята на себя защита различных лиц по одиннадцати делам.

Таким образом, по мнению суда, приняв поручения на оказание юридической помощи в количестве большем, чем адвокат в состоянии выполнить, и не уведомив по возможности заблаговременно суд и других участников процесса о невозможности прибыть в назначенное время, адвокат допустил явное неуважение к суду и другим участникам процесса.

Адвокат П. объяснил такое свое поведение тем, что после гражданской акции по поводу Дня России, состоявшейся на Марсовом поле 12.06.2017, было возбуждено более 600 административных дел, которые были распределены по районным судам г. Санкт-Петербурга. По одиннадцати из них с ним были заключены соглашения на защиту. По вынесенным по делам постановлениям районного суда адвокатом были поданы апелляционные жалобы, рассмотрение которых было назначено на одни и те же дату и время, в одном зале городского суда - № 31.

Имея соглашения на ведение всех одиннадцати дел, адвокат, во избежание возможных накладок, за несколько дней до заседаний обратился к председателю Санкт-Петербургского городского суда с письменным заявлением о переносе рассмотрения назначенных дел в разные залы.

Явившись в назначенный день с суд в 10:00, адвокат ожидал рассмотрения дел около зала № 31. Однако, дела были перенесены в разные залы, о чем адвокат узнал за пять минут до начала разбирательств и успел принять участие только в пяти из одиннадцати. Остальные дела судьи рассмотрели без участия «невывишегося» адвоката.

Адвокат П. утверждает, что если бы он был уведомлен о слушании дел в разных залах, он подал бы ходатайство о переносе слушания дел на другое время или попросил коллег заменить его, чтобы не допустить рассмотрения дел без участия защитника.

Комиссия посчитала адвоката П. нарушившим нормы законодательства об адвокатской деятельности и Кодекса, поскольку он принял на себя поручения на оказание юридической помощи в количестве, заведомо большем, чем в состоянии выполнить. Однако, Совет занял другую позицию: адвокат П. действовал в интересах своих доверителей; явился в зал № 31 в соответствии с телефонограммой; обратился заранее с заявлением на имя председателя Санкт-Петербургского городского суда с просьбой о рассмотрении всех дел в одном зале судебных заседаний, таким образом, адвокат П. имел все разумные основания полагать, что он сможет осуществлять защиту всех своих подзащитных.

Дисциплинарное производство в отношении адвоката П. Советом прекращено.

Еще одним примером сложности в решении о допустимости принятия на себя защиты может послужить дело адвоката И.

Адвокат И. по заявке следователя ГСУ СК РФ по СПб прибыл в следственный изолятор № 1 для осуществления защиты в порядке ст.50, 51 УПК РФ обвиняемого Г. Несмотря на заявленный последним отказ от его помощи, поскольку в уголовном деле его защиту осуществляет адвокат по соглашению У., адвокат И. принял участие в следственных действиях и в последующие несколько дней продолжил работу по делу в порядке ст.51 УПК РФ, несмотря на волеизъявление обвиняемого. При этом адвокат И. довольствовался лишь устными разъяснениями следователя о причинах отсутствия адвоката по соглашению, не потребовал предоставления ему доказательств злоупотребления процессуальными правами адвокатом по соглашению.

Адвокат И. описал ситуацию с его назначением в дело так: он прибыл в СИЗО-1 по заявке ГСУ СК РФ по СПб согласно графику дежурств адвокатов для осуществления защиты по назначению Г. в уголовном деле. Заявка была оформлена в электронном виде и зарегистрирована надлежащим образом. В указанный день он общался с Г. конфиденциально без ограничения во времени, разъяснил подзащитному особенности участия адвоката по назначению и правовые последствия этого участия. С участием И. обвиняемому Г. в полном объеме было предъявлено обвинение.

По окончании следственных действий обвиняемый Г. подал на имя следователя ходатайство об отказе от помощи адвоката по назначению органов следствия, которое было поддержано адвокатом И. Данное ходатайство постановлением следователя было оставлено без удовлетворения с одновременным указанием, что до завершения предварительного следствия следует обеспечить на постоянной основе участие адвоката в порядке ст.51 УПК РФ, не ущемляя при этом прав адвоката по соглашению У. Свое решение следователь обосновал тем, что со стороны адвоката У. по указанному делу ранее имел место «систематический срыв следственных и процессуальных действий».

Таким образом, с участием адвоката И. были выполнены требования ст. 217 УПК РФ.

Санкт-Петербургский городской суд при решении вопроса о продлении срока содержания под стражей Г. рассмотрел также и ходатайство последнего об отказе от помощи защитника по назначению. Указанное ходатайство было поддержано адвокатом И., однако суд отказал в его удовлетворении, постановив: «участие в уголовном судопроизводстве при изложенных обстоятельствах наряду с защитником по соглашению и адвоката по назначению и проведение с его участием следственных действий не противоречит требованиям уголовно-процессуального закона, положениям ст.ст. 50, 51 УПК РФ и не нарушает права обвиняемого на защиту. При этом в силу ст. 52 УПК РФ отказ обвиняемого не обязателен для следователя и суда».

Комиссия отметила, что обвиняемый при производстве всех следственных действий категорически и последовательно отказывался от юридической помощи адвоката И., тем не менее, адвокат по назначению продолжал осуществление защиты против воли обвиняемого. Между тем с учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ привлечение к участию в деле адвоката по назначению возможно лишь в тех случаях, когда установлен факт недобросовестного использования защитником по соглашению своих процессуальных прав. Лишь в этом случае следователь вправе оставить без удовлетворения заявление обвиняемого об отказе от услуг защитника по назначению.

Кроме того, действия адвоката И., по заключению Комиссии, противоречат требованиям Закона об адвокатуре и Решению ФПА РФ от 27.09.2013 года, которым запрещено участие адвокатов по назначению в делах, где принимает участие адвокат по соглашению. ФПА разъяснила, что адвокат в соответствии с правилами профессиональной этики не вправе принимать поручение на защиту против воли подсудимого и навязывать ему свою помощь в суде в качестве защитника по назначению, если в процессе участвует защитник, осуществляющий свои полномочия по соглашению с доверителем.

Адвокат И. активно отстаивал свою позицию в ходе дисциплинарного производства, пояснил, что не согласен с заключением Квалификационной комиссии и привел свою аргументацию.

Дело разрешалось не в одном заседании Совета. После заслушивания адвоката У., осуществляющего защиту Г. по соглашению, и защитника И., заседание было отложено для проведения дополнительного исследования материалов дисциплинарного производства.

На следующем заседании Совет признал правомерность действий адвоката И. по следующим основаниям.

Обвиняемый Г. был уведомлен о предъявлении ему обвинения за несколько дней, одновременно ему разъяснено право самостоятельно пригласить защитника либо ходатайствовать об обеспечении участия защитника следователем в порядке, установленном статьей 50 УПК РФ.

Адвокат У., в отношении которого постановление следователя о его отводе было отменено, осуществлял защиту Г. по соглашению, и с момента отмены постановления он и его подзащитный не были ограничены в правах и возможности конфиденциальных свиданий.

Однако, перед проведением следственных действий адвокат У. заявил письменное ходатайство об их отложении для обеспечения ему конфиденциальной встречи с Г., которое было удовлетворено следователем. Адвокат У. был уведомлен о проведении следственных действий на другую дату, но в назначенный день в помещение СИЗО-1 не явился, о причинах неявки не сообщил, телефон адвоката не отвечал, в связи с чем следователем было вынесено постановление о привлечении для участия в уголовном деле адвоката по назначению согласно графику дежурств адвокатов, «поскольку срыв следственных и процессуальных действий по уголовному делу со стороны адвоката У. имеет систематический характер...».

Ходатайство адвоката У. об отложении следственных действий с приложением больничного листа поступило следователю только на следующий день.

Адвокат И., будучи дежурным адвокатом, принял заявку на участие в уголовном судопроизводстве по назначению в отношении Г. и совершил действия, изложенные ранее, которые Советом признаны правомерными.

Совет заключил, что решение Комиссии принято без учета Постановления Пленума Верховного Суда РФ №29 от 30.06.2015 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», в котором указано, что суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса, поскольку в силу требований части 3 статьи 17 Конституции РФ осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц.

Аналогичную правовую позицию занимает и Конституционный Суд РФ.

Ссылка в Заключение Квалификационной комиссии АП СПб от 13.04.2017 на Решение Федеральной палаты адвокатов РФ от 27.09.2013 не может быть признана обоснованной, поскольку в этом Решении не рассматриваются случаи привлечения к осуществлению защиты наряду с защитником по соглашению адвоката по назначению в связи с недобросовестным использованием защитником по соглашению своих процессуальных прав.

Дисциплинарное производство в отношении адвоката И. Советом прекращено вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса вопреки заключению Комиссии, так как фактические обстоятельства Комиссией установлены правильно, но ею сделана ошибка в правовой оценке деяния адвоката.

АДВОКАТ БЕЗ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

За год был выявлен один случай предоставления недостоверных сведений Квалификационной комиссии претендентом на получение статуса адвоката.

В 2011 году в Квалификационную комиссию АП СПб с заявлением о допуске к сдаче квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката обратился М. В анкете М. указал, что обучался в Санкт-Петербургской государственной академии физической культуры им. П.Ф. Лесгафта, затем на основании академической справки путем перевода был зачислен в СПб Аграрный университет с зачетом прослушанных в СПб Академии физкультуры предметов. М. был присвоен статус адвоката.

В 2016 году Главным управлением МЮ РФ по СПб была получена информация от ФГБОУ «Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта» о том, что М. в описях студентов не числится, а указанная академическая справка на имя М. академией не выдавалась.

Поскольку указанная академическая справка являлась фиктивной, М. не имел права поступать и обучаться в СПб Аграрном университете по сокращённой программе и быть допущенным к итоговой государственной аттестации с последующим присвоением квалификации «юрист» по специальности «юриспруденция».

Таким образом, М. при предоставлении документов в качестве претендента на соискание статуса адвоката сообщил о себе недостоверные сведения, чем нарушил требования п.2 ст.10 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ».

Совет АП СПб решил, что действия адвоката М. исключают возможность его дальнейшего пребывания в адвокатском сообществе.

Статус адвоката М. прекращен.

В заключение стоит напомнить о праве адвоката, оказавшегося в сложной этической ситуации, направить в Совет Адвокатской палаты СПб запрос о разъяснении того или иного профессионального вопроса или о том, как правильно поступить в сложившейся ситуации, на который Советом будут даны разъяснения. Это во многих описанных случаях позволило бы предотвратить дисциплинарные разбирательства и их негативные последствия в виде мер дисциплинарной ответственности.

Кроме того, в АП СПб действуют специализированные комиссии, в частности Комиссия по защите профессиональных прав адвокатов, Комиссия по организации работы и участию адвокатов в качестве защитников и представителей в судопроизводстве по назначению органов дознания, предварительного следствия и суда, куда так же можно обратиться по вопросу компетенции комиссий.

Обзор подготовлен сотрудником пресс-службы
Адвокатской палаты Санкт-Петербурга
Ольгой Шушминцевой